

* * *

Бога ждёшь. Второе пришествие не за горами.
И горят монастырские свечи – живое пламя
перед важным рассветом. Раскаяньем и прощением.
Очищение больше, чем ощущение.
Так на небе темно, что темнее некуда.
Ты идёшь за именем, за победою.
И в молитве ищешь кусочек истины,
оттого, что жить в пустоте невыносимо.
Небо чёрное. Небо закрыто смогами.
И какими не шёл бы к нему дорогами,
всё одно оно. Не пощадит, не спустится.
Греют поздней малины живые кустики.

Опускаешься к ягоде, как отверженный.
Неужели здесь Правда? Себя не сдерживай.
Затяжная зима – пустоты хранилище.
Солнца нет. Солнца нет. Темноту осилишь ли?

* * *

Всё исчезнет, умрёт однажды. Даже любовь.
Что от нас, наконец, останется? Только соль.
Из глубин, пластов, из залежей океанов.
Из теперешних нас, выпотрошенных до планов.
Только соль. В каждом точном её кристалле
сохранятся наши линии и детали,
наши глупые губы, верящие в бессмертие.
Соль забытой земли, как Божие милосердие.

В этом старом храме иконы смелые и спокойные.
Я стою под куполом. Я чудо вдыхаю хвойное.
А Господь глядит глазами большими, небесно-глубокими.
Одинокая только сама я собой, а с Богом не одинокая.
Речка – тихая песня прозрачная, точно слёзы свёчные твои.
Мне морозно, радостно в сердце:

«Спаси, меня Господи, сохрани».

Золотое кружево на окладах икон Сольвычегодских.
И красиво до боли в сердце, до чистой надежды просто.
И молитва во мне, неумехе, вспомнится, отразится.
Смотрят с росписей лики. Гляжу в них, будто в родные лица.
Голос твой вековой, большой, мой ли маленький слабый –
я молилась, Господи. И северной ночью приснился папа.

Нестерпимо хотелось вдыхать табаки отца.
Он выращивал их на оконниках трёх домов.
Духов час наступал – юный камень луны мерцал,
и росла терпковкусием знаний струна-любовь.

Говорил отец: «Табаки зелёны, как ты,
пей пока росу да осоку клади в карман.
Ничего не бойся. Там, в линиях золотых
ждёт под звёздными картами бежевый караван.

В нём твои верблюды, в нём и твои дела –
не печалься, когда тебе даст прикурить судьба.
Там, где будет вязаться долгой дороги мгла,
ты достанешь спичку, в руки возьмёшь табак.

И дозрев лишь, вместе, вы сможете говорить,
отдадите зелень и станете веществом.
Терпким голосом стану я жить у тебя внутри,
Дым и пеплы мои выпадут в доме твоём».

* * *

Старый пёс неизвестно откуда взялся.
Третьи сутки сидит под моим забором.
Говорит глазами: умру я скоро,
а иначе с твоей бы душой остался.

Говорит мне глазами: живи за это.
Пахнет мокрой травой пегой шерсти ворох.
Этот пёс мне как кто-то ушедший дорог,
от того третьи сутки мне больше света.

Я стелю ему бабушкину дорожку,
на крыльцо приглашаю его погреться.
Он глазами твердит: никуда не деться.
Я его понимаю: всё очень сложно.

Этот пёс ничего у меня не просит.
Он питается лаской из миски жёлтой.
И я чувствую чью-то опять заботу.
И летит первоснежное с неба просо.

* * *

Птаха, на пальчиках ветки сидишь. Тихо и не пиликаешь.
Тикают стрелочки-миражи, янусы многоликие.
Время вода, льётся куда? Есть ли ему указчица?
Птаха моя, песню запой или придумай сказочку.
Время беда. Крылья, когда стали такими голыми?
Знаешь, а где-то светит звезда. Там, где уже не холодно.
Клетка горит. Слышу твой крик, рвётся пожаром-голосом.
Время чирик, где-то внутри. Кажется, в микрокосмосе.

* * *

На колеснице мчится печальный маг.
Птицами правит, но кровотоцит костяк.
Звезды, сгорая, падают. Блекнет свет.
Компасы треснули – времени больше нет.

Нечего догонять, отпускать, лишать.
Нет середины, конца. Ну, а что душа –
птица ли, колесница ли, маховик?
Свитки горят бересты, а душа кровит.
Почву питает выжатая вина.
Времени нет, но все время идёт война.

* * *

Что мне готовишь, ноябристый снег?
В тебя я погружаюсь, как в ковчег,
и забираю только прошлый опыт.
Да пару неразменных друзей.
Кота с собакой. Бабкин львиный зев.
И пусть чернит подснежная копать

Чего искать в усталом ноябре?
Не знаю – возвращенья ли к тебе,
или к себе, оставленной без тени.
Вот ты идёшь, мучнистый и густой.
И детский воскрешаешь мой восторг,
Сажусь в сугроб, как на его колени.

* * *

Время нещадно метит нас, время нещадно ест.
Волосы укорочены, кудри отдали блеск.
Пряди седые, хрупкие путает ветродуй,
а по запястью линии-стрелочки идут.
Жаль не щенячьей юности, бархатных губ и щёк –
солнца, что было в имени жалко – не уберёг.
Вырвалось леденцовое. Светит в других теперь.
Время, осколок солнечный, с клёна в ладонь тебе.